

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

“СОКРОВЕННОЕ ВИДЕТЬ В ПОЭТЕ...”

Так совпало, что эту статью мне выпало писать среди волн поднимающейся кампании, направленной на развал Союза писателей России как раз в канун его 50-летия. Подобные кампании возникали и раньше под разными предложениями. Один из них состоял в том, что СП якобы давно изжил себя как порождение советского периода, что дореволюционные классики — ни Л. Н. Толстой, ни Ф. М. Достоевский, ни другие — ни в каких союзах не состояли и состоять бы не стали... Казалось бы, на этот посыл и возразить нечего. А между тем сам А. С. Пушкин в своём послании “К Языкову” ещё в 1824 г. писал:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью...*

Пушкинская тема союза служителей муз стал занимать моё воображение с 1971 г., когда будущий директор Пен-клуба Александр Петрович Ткаченко, а тогда просто Саша, артистично и очень красочно рассказал мне о том, как на железнодорожном вокзале Москвы поэты Андрей Вознесенский и Пётр Вегин, скупив в газетном киоске все оказавшиеся в нём экземпляры поэтической книги Анатолия Передреева, торжественно под аплодисменты провожающих тут же бросили их в мусорную урну. Я не знал, кто такой Передреев, но именно это меня и озадачило. Зачем обладающему всесоюзной славой мэтру понадобилось осквернять, да ещё и при свидетелях, рядовую книжку другого поэта, пусть и маленького, который согласно пушкинской иерархии доводился ему “родней по вдохновенью”? А может быть, этот Передреев не такой уж и маленький, — мелькнуло тогда в моей голове.

Против моего ожидания приобрести заинтересовавшую меня книгу А. Передреева не удалось, несмотря на то, что мне, как гражданскому лётчику, были доступны книжные магазины больших городов фактически всей страны. Зато в Ленинграде, где я тогда жил, в Доме книги на Невском проспекте посчастливилось приобрести сразу четыре сборника стихотворений “Зелёные цветы” ранее неизвестного мне поэта Николая Рубцова — для себя и для своих коллег, сразу же оценивших его поэзию. Меня также просили рассказать о Рубцове, но я и сам питался слухами, а слухи эти были нелицеприятными.

И в литобъединениях, и в самом Союзе писателей на Воинова, 18 о нём говорили прежде всего не как о поэте, а как об отпетом пьянице, дурно относившемся к женщинам, одна из которых его и “порешила”. Это длилось год или два после его гибели, а затем словно лопнуло что-то в литературной атмосфере северной столицы, и вокруг Рубцова наступило затишье вплоть до выхода в 1976 г. небольшой, но чрезвычайно убедительной книжечки Вадима Кожинова “Николай Рубцов (Заметки о жизни и творчестве поэта)”. Из неё я впервые узнал и о том, кто такой Анатолий Передреев, и стал осознавать причины нешуточного раздора среди литераторов.

С тех пор немало воды утекло. Ближайшие друзья и соратники Н. М. Рубцова – В. В. Кожинов, С. Ю. Куняев, А. К. Передреев – в значительной мере прояснили и приблизили к нам образ поэта. Появились многочисленные воспоминания и вологодских свидетелей его жизни, среди которых особой благодарности заслуживает книга недавно ушедшей Н. А. Старичковой “Наедине с Рубцовым”. Вызывает восхищение и первый трёхтомник Н. М. Рубцова, составленный и откомментированный В. Д. Зинченко. Нельзя не отметить и основательный документальный труд Н. М. Коняева “Николай Рубцов (Ангел Родины)”. Казалось бы, для воскрешения памяти о поэте сделано уже так много, что ничего значительно нового уже не прибавить. Однако, прочитав в 2004 г. ещё в рукописи книгу М. А. Полетовой “Пусть душа останется чиста...”, я испытал настоящее и радостное потрясение, которое и вылилось в следующие строки:

*Я над книгою вашей грущу
Иль Бог весть от чего улыбаюсь.
То перо, то бумагу ищю —
Написать вам письмо порываюсь.*

*Только нет ни начал, ни концов
В том, что выразить чувства хотели.
И таинственно смотрит Рубцов
Из сиротской своей колыбели.*

*Нам постигнуть судьбу не дано,
Но скажу и в тускнеющем свете:
Вашей чистой любви суждено
Сокровенное видеть в поэте.*

В 2005 г. книга М. А. Полетовой вышла в свет и стала заметным явлением “рубцововедения”. Однако Майя Андреевна на этом не успокоилась – в 2008 г. вышло новое, значительно дополненное издание этого труда, включившего в себя результаты её 30-летних изысканий.

30 сентября этого же года в доме Союза писателей на Комсомольском, 13 состоялся вечер, посвящённый выходу в свет книги “Пусть душа останется чиста...”. На вечере в переполненном зале шёл живой, заинтересованный разговор, выступили многие писатели, литературоведы, певица Лина Мкртчян, художник А. В. Артемьев, заведующая музеем Н. М. Рубцова при московской библиотеке № 95 О. И. Анашкина, священник о. Александр Елатомцев, директор православной школы в с. Рождествено В. Ф. Шварц и др.

Неоднократно перечитывая книгу М. А. Полетовой, я всякий раз ловил себя на мысли, что она написана как бы живой тенью поэта, так всесторонне и по существу отражена в ней его судьба. Фактически о том же говорили и выступавшие. Н. И. Дорошенко обратил внимание на то, что, сколько бы мы ни читали стихов Рубцова, без знания его окружения и обстановки, в которой они родились, нам было бы трудно их понять. В частности, о труде М. А. Полетовой он сказал: “Я не знаю никакой другой книги, написанной о Рубцове, где было бы такое бережное отношение не только к нему, но и к тем людям, которые его знали. А главное, что эти люди каким-то неизъяснимым образом существенно дополняют Рубцова, и он в них отражается, как в живом, дышащем свежим воздухом зеркале. В книге Полетовой представлено целое рубцовское поколение людей. В ней есть рубцовское отношение чистоты. Все её герои – чистые души, которые для нас существуют в идеале. Эта книга – одно из самых значительных событий не только в творческой, уже посмертной

судьбе Рубцова, но и в духовной жизни нашего человеческого общества”. Эта оценка относится к жившим или ещё, слава Богу, живущим людям. Действительно, в книге нет и следа привнесённой извне фантазии. Майя Андреевна, проработав 50 лет врачом, начисто чужда всяческих приукрашиваний, тем более на документальной исследовательской стезе, и считает их не только ненужными, но и опасными. Известный исследователь творчества Ф. И. Тютчева, сотрудник ИМЛИ РАН Л. В. Гладкова особо отметила, что книга написана природным русским языком и читается на одном дыхании, из неё возникает не только чистый, незамутнённый облик поэта, но и образ Святой Руси. Л. В. Гладкова процитировала строфу из стихотворения Тютчева:

*Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.*

И после цитаты добавила: “Меня могут спросить: а где она, Святая Русь? — Она здесь, пусть сегодня под спудом, но мы и являемся носителями Святой Руси, и только мы своими поступками, делами, помыслами, верой выбираем, где нам жить — на помойке мировой цивилизации или на Святой Руси. Наши великие поэты — тоже жители Святой Руси, как и люди, изображённые в книге Майи Андреевны Полетовой. После этой книги хочется читать Рубцова, а это самое главное”.

Следует отметить единство, единодушие, которое сложилось у выступавших на вечере. В этом смысле критик, писатель и литературовед Сергей Куняев был наиболее, если можно так выразиться, эпичен в своём выступлении. Он привёл самохарактеристику Н. М. Рубцова, изложенную в его письме к А. Яшину от 22 августа 1964 г.: “Предпочитаю использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут звучать после нас”.

“Эта самохарактеристика Рубцова, — подчеркнул критик, — даёт нам самый надёжный ключ к его поэзии. И в этом же ключе выстроена книга Майи Андреевны Полетовой”.

Лучше и точнее не скажешь. И далее: “Рубцов, явленный в этой книге, — это своего рода уникальный портрет Рубцова среди всех его портретов, которые возникли на наших глазах за последние 10–15 лет”. В качестве сравнения Сергей Куняев подверг критике составленную Н. В. Поповым “из недоброкачественных мемуарных вырезок” книгу “Николай Рубцов в воспоминаниях друзей”. И хотя А. А. Яковенко пытался оспорить эту критику, всё же нужно признать правоту С. С. Куняева. Сравнивая в этой книге (стр. 13) творческий уровень Бориса Примерова, Сергея Макарова и Павла Мелехина с уровнем Николая Рубцова, Н. В. Попов пишет: “Чем Коля мог парировать хотя бы эту троицу? Лишь “Видением на холме”? Но кто их тогда знал?”. И далее: “Позже он прославился тоже в основном при помощи гармошки, досажда всем жаждущим обычной тишины...” и т. д. Николаю Васильевичу Попову следовало хотя бы задним числом знать, что Н. Рубцов поступил на первый курс уже сложившимся поэтом. С. С. Куняев подверг критике и написанную Н. М. Коняевым биографию Н. М. Рубцова. Главный упрёк критика Коняеву заключается в том, что созданная им биография служит не раскрытию духовной субстанции поэта, а разделению на человеческое и поэтическое существо, которое как бы существует отдельно друг от друга, — чего не скажешь о книге М. А. Полетовой.

Священник о. Александр Елатомцев, как и М. А. Полетова, врач по своей первой профессии, возродивший православную школу на месте разрушенной в подмосковном селе Рождествено, выслушав всех выступавших, горячо и часто полемически выражавших своё мнение, образно заключил: “Я хочу вернуться к медицинской теме. При имени РУБцов мне приходит мысль. Мы, православные, сегодня разРУБлены, отРУБлены друг от друга. Я ехал сюда с удивительным чувством, что я здесь встречу близких людей, с которыми мне нужно найти точки сращения, хотя мы друг друга не знали. У всех у нас так или иначе были какие-то раны на теле, нас отРУБили от корня, от веры, от чего мы и страдаем. В русских сказках разрубленные куски некогда единого тела нужно сперва сбрызнуть мёртвой водой, чтобы они срослись. Поэзия

Н. М. Рубцова соединяет нас, разрубленных русских людей. Русская душа, тянущаяся кусок к куску, ярко представлена в творчестве Рубцова. Помимо мёртвой воды, без которой невозможно сращение единого тела, зарубцевавшие ран, необходима ещё вода живая, после воздействия которой народное тело оживёт и встанет. Эта живая вода – вера Христова, которую от нас отрубали. Дай Бог, чтобы мы сращивались и к этой воде обращались”.

Вечер продолжался более четырёх часов, и в заключение мне представляется весьма важным указать на поразительное совпадение поэтической позиции Н. М. Рубцова: “Настоящий поэт – это жертва” (из книги М. А. Полетовой, стр. 225) с философией крупнейшего мыслителя XX в. А. Ф. Лосева, изложенной им в повести “Жизнь”, которая впервые была опубликована в 1989 г.:

“Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины – это и есть вечная жертва. <...> В самом понятии и названии “жертва” слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое. Это потому, что рождает нас не просто “бытие”, не просто “материя”, не просто “действительность” и “жизнь”, – всё это нечеловечно, надчеловечно, безлично и отвлечённо, – а рождает нас Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе достойны быть, достойны существования, которые уже сами по себе есть нечто великое и светлое, нечто святое и чистое. Веление той Матери Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери Родины неотвратимы. Бессмысленна жертва какой-то безличной и слепой стихии рода. Но это и не есть жертва. Это – просто бессмыслица, ненужная и бестолковая суматоха рождений и смертей, скука и суэта вселенской, но в то же время бессмысленной животной утробы. Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. Преступление, жестокость, насилие, человеконенавистничество, – всё это ополчается на нас и на нашу Родину. Но всё это только и можно, только и нужно одолеть ради благоденствия Родины. Возмутиться отдельным преступным актом и вступить с ним в борьбу – мало. Это и всякое животное вступит в борьбу за то, что оно считает принадлежащим себе. Нет, побороть противника не ради себя и не ради своей идеи, и даже не ради только ближнего, а ради самой Родины, – вот где подлинное осмысление всякой человеческой борьбы против зла” (Лосев А. Ф. Я сослан в XX век... М., 2002. С. 544–545).